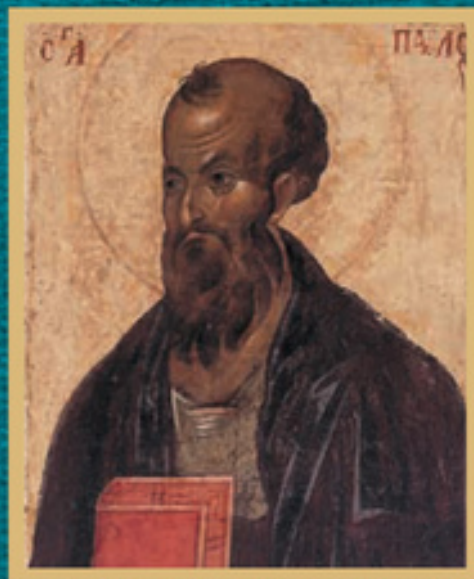

ТОЛКОВАНИЕ НА ДѢЛНИА И ПОСЛАНИА СВЯТЫХ АПОСТОЛЮ

Блаженного
Феофилакта Болгарского

В ТРЕХ ТОМАХ

ТОМ ВТОРОЙ

Толкования на деяния и послания святых
апостолов Блаженного Феофилакта Болгарского

Феофилакт Болгарский
**Толкование на Послания
святого апостола Павла. Часть 1**

«Сибирская Благовонница»

Болгарский Ф.

Толкование на Послания святого апостола Павла. Часть 1 /
Ф. Болгарский — «Сибирская Благовонница», — (Толкования
на деяния и послания святых апостолов Блаженного Феофилакта
Болгарского)

Святой блаженный Феофилакт Болгарский составил толкование Нового Завета, а также подробное истолкование Деяний Апостолов, Соборных посланий Апостолов и Посланий Апостола Павла. В них он предлагает в основном сокращение обширных толкований древних отцов Церкви, из которых берет только то, что нужно для точного уразумения объясняемого места.

Содержание

Толкование на Послание к Римлянам	5
Предисловие	5
Глава первая	6
Глава вторая	15
Глава третья	21
Глава четвертая	26
Глава пятая	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Толкование на Послания святого апостола Павла. Часть 1

По благословению митрополита Ташкентского и
Среднеазиатского ВЛАДИМИРА

Издается по: Благовестник, Толкование на Деяния и Послания
святых апостолов блаженного Феофилакта, архиепископа Болгарского.
СПб., 1911.

Толкование на Послание к Римлянам

Предисловие

Постоянное чтение Божественных Писаний ведет к познанию их, ибо не лжив Тот, кто сказал: **Ищите и найдете; стучите, и отворят вам** (Мф. 7,7). Поэтому мы узнаем тайны из посланий блаженного Павла, если будем читать послания эти постоянно и тщательно. Апостол сей всех превзошел словом учения. И справедливо; ибо он больше всех потрудился и приобрел обильнейшую благодать Духа: что видно не только из посланий его, но и из Деяний апостольских, где говорится, что за совершенство в слове неверующие почитали его Меркурием (см. Деян. 14, 12). Первым предлагается нам Послание к Римлянам; однако не потому, будто оно написано прежде прочих посланий. Так, прежде Послания к Римлянам написаны оба Послания к Коринфянам, а прежде Посланий к Коринфянам написано Послание к Фессалоникийцам, в котором апостол Павел с похвалою намекает им о милостыне, посланной в Иерусалим (1 Фес. 4, 9-10; ср. 2 Кор. 9, 2). Кроме того, прежде Послания к Римлянам написано еще Послание к Галатам. Несмотря на это говорю, что Послание к Римлянам есть первое из прочих посланий. Почему же оно получило первое место? Потому, что в Священном Писании такой порядок не необходим. Так и двенадцать пророков, если брать их в том порядке, в каком они в ряду священных книг, не следуют один за другим по времени, но разделены между собою большим промежутком. А пишет Павел к Римлянам, с одной стороны, потому, что на нем лежал долг проходить священное служение Христово, а с другой – потому, что римляне были как бы предстоятелями вселенной, ибо кто приносит пользу голове, тот приносит пользу и остальному телу.

Глава первая

1. Павел, раб Иисуса Христа, призванный Апостол, избранный к благовестит Божию.

Ни Моисей, ни после него многие, даже евангелисты, не выставляли имен своих перед писаниями своими, а блаженный Павел ставит имя свое перед каждым посланием своим: это потому, что те писали для живших вместе с ними, а он посылал писания издали и по обычаю исполнял правило отличительного свойства посланий. Только в Послании к Евреям он не делает этого; ибо они ненавидели его: посему, чтобы, услышав тотчас имя его, не перестали слушать его, утаивает имя свое в начале. А для чего он из Савла переименован Павлом? Для того, чтобы ему и в этом не быть меньше верховного из апостолов, названного Кифою, что значит Петр (Ин. 1, 42), или сыновей Зедедея, нареченных Воанергес, то есть сыновьями грома (Мк. 3, 17).

Раб. Рабство имеет многие виды. Есть рабство по сотворению, о котором говорится: *все служит Тебе* (Пс. 118, 91). Есть также рабство через веру, о котором сказано: *от сердца стали послушны тому образу учения, которому предали себя* (Рим. 6, 17). Наконец, есть рабство по образу жизни: в этом отношении назван рабом Божиим Моисей (Нав. 1, 2). Павел – **раб** во всех этих видах.

Иисуса Христа. Предлагает имена Господни от воплощения, восходя снизу вверх: ибо имена «Иисус» и «Христос», то есть Помазанный, суть имена после воплощения. Помазал же отнюдь не елеем, но Духом Святым, который, конечно, бесценнее елея. А что помазание бывает и без елея, послушай: *не прикасайтесь помазанным моим* (Пс. 104, 15): каковое изречение надобно относить к бывшим до закона, когда не было даже имени помазания посредством елея.

Призванный. Слово это означает смиренномудрие; ибо им показывает апостол, что он не сам искал и нашел, но был призван.

Апостол. Это слово употребил апостол в отличие от прочих званых. Ибо все верные призваны; но они призваны для того только, чтобы уверовать, а мне, говорит, вручено еще апостольство, которое вверено было и Христу, когда Он посылался Отцом.

Избранный к благовестит Божию. То есть выбран к служению благовестия. Иначе: «избран» вместо «предопределен» к этому, как и к Иеремии говорит Бог: *Прежде нежели ты вышел из утробы Я освятил тебя* (Иер. 1, 5). И сам Павел говорит в одном месте: *Когда благоволил Бог, избравший меня от утробы матери моей* (Гал. 1, 15). Далее не напрасно говорит он: «зван» и «избран к благовестию». Так как слово у него было к тщеславным, то и внушает, что он достоин веры, как посланный свыше. Самое же благовестив называет так не по совершившимся только, но и по будущим благам, а именем благовестил тотчас утешает слушателя, ибо благовестив содержит не печальное что-нибудь, каковы предречения пророков, но сокровища несчетных благ. А благовестив это есть благовестив Бога, то есть Отца, и потому, что даровано Им, и потому, что делает Его известным, ибо хотя Он известен был и в Ветхом Завете, однако одним иудеям, но и им неизвестен Он был как Отец, впоследствии же, через благовестив, Он вместе с Сыном открылся всей вселенной.

2. Которое Бог прежде обещал через пророков Своих, в святых писаниях.

Так как проповедь ту поносили, как нововведение: то показывает, что она древнее язычества и прежде описана была у пророков; даже слово «благовестив» находится у Давида, который говорит: *Господь даст глагол благовествующим силою многою* (Пс. 67, 12), и у Исаии: *Как прекрасны... ноги благовестника, возвещающего мир* (Ис. 52, 7).

В святых писаниях. Пророки не только говорили, но и писали и изображали действиями, например: Авраам посредством Исаака, Моисей посредством змия, воздеяния рук и

заклания агнца. Ибо когда Бог имел уготовить нечто великое, то предвозвещает о том задолго прежде. Поэтому, когда говорит Он, что многие пророки *желали видеть, что вы видите, и не видели* (Мф. 13, 17); то выражает этим, что они не видели самой плоти Его, а потому не видели и знамений, совершающихся перед их глазами.

3. *О Сыне Своем, Который родился от семени Давидова по плоти.*

Здесь явно показывает два рождения; ибо через слова *о Сыне Его*, то есть Бога, указывает на рождение горнее, а через выражение *от семени Давидова* – на рождение дольнее. При совокуплении же: «по плоти» показал, что и рождение по Духу принадлежит Ему. Поэтому благовестив есть не о простом человеке, ибо оно – о Сыне Божиим, и не о простом Боге, ибо оно о рожденном от семени Давидова по плоти, так что один и тот же есть то и другое, то есть и Сын Божий и Сын Давида. Поэтому да устыдится наконец Несторий.¹ Упоминает же и апостол о рождении Его по плоти, подобно как и три евангелиста, чтобы от него возвести слушателей к высшему рождению. Так и сам Господь сначала виден был человеком, а потом признан Богом.

4. *И открылся Сыном Божиим в силе, по духу святыни, через воскресение из мертвых, о Иисусе Христе Господе нашем.*

Выше сказал: *о Сыне Своем*, а теперь доказывает, как Он познан Сыном Божиим, и говорит, что *Он открылся* – по-славянски «наречен», то есть показан, утвержден, признан; ибо наречение есть самое признание, приговор и решение. Ибо все признали и решили, что Он – Сын Божий. Как так? *В силе*, то есть через силу знамений, которые Он творил. Притом *по Духу*, через Которого освятил верующих; ибо даровать это свойственно Богу. Также *через воскресение из мертвых*, ибо Он первый, и притом Он один, Сам воскресил Себя. Итак, Он узнан и открылся Сыном Божиим через воскресение; ибо и это великое дело, как и Сам Он говорит: *когда вознесете Меня от земли, тогда узнаете, что это Я* (Ин. 8, 28).

5. *Через Которого мы получили благодать и апостольство, чтобы во имя Его покорять вере все народы.*

Здесь признательность. Ничего, говорит, нет нашего, но все получено нами через Сына. Я получил апостольство и благодать через Духа. *Он*, говорит Господь, *наставит вас* (Ин. 16, 13). И Дух говорит: *Отделите Мне Павла и Варнаву* (Деян. 13, 2), и: *Духом дается слово мудрости* (1 Кор. 12, 8). Что это значит? То, что принадлежащее Духу принадлежит Сыну и наоборот. Благодать, говорит, и апостольство *получили*, то есть не по заслугам своим стали мы апостолами, но от благодати свыше. Но и убеждение есть дело благодати; ибо делом апостолов было ходить и проповедовать, а убеждать слушающих всецело принадлежит Богу.

Во имя Его покорять вере – по-славянски: *в послушание веры*. Мы посланы, говорит, не для споров и не для исследования или доказательства, но *в послушание веры*, чтобы поучаемые слушали, веруя без всякого противоречия.

Все народы. Благодать получили *все народы*, – не я один, но и прочие апостолы: ибо Павел не обошел всех народов; разве скажет кто-нибудь, что если не при жизни, то по смерти он ходит ко всем народам через послание. А веровали бы, слыша об имени Христа, а не о сущности Его; ибо чудеса творило имя Христово, и оно само требует веры, потому что и его нельзя постигнуть разумом. Затем дар благовестия: оно сообщено не одному народу, как Ветхий Завет, но всем народам.

6. *Между которыми находитесь и вы, призванные Иисусом Христом.*

¹ Несторий – основатель несторианской ереси, осужденной на III Вселенском Соборе. Умалая Божественную природу Иисуса Христа, разделял Божество и человечество Господа. – *Примеч. ред.*

Здесь сокрушает высокомерие римлян. Вы не больше получили, сколько прочие народы, над которыми вы почитаете себя владыками; посему как проповедуем прочим народам, так и вам: не тщеславьтесь же. Иначе: и вы призваны, благодатию предупреждены, а не сами пришли.

7. Всем, находящимся в Риме, возлюбленным Божиим, призванным святым: благодать вам и мир от Бога Отца нашего и Господа Иисуса Христа.

Не просто: *всем находящимся в Риме*, но: *возлюбленным Божиим*. Откуда же видно, что они возлюбленные? Из освящения; а святыми называет всех верующих. Прибавил же: **призванным**, укореняя в памяти римлян благодеяние Божие и вместе показывая, что хотя бы между ними находились и консулы и префекты, но Бог всех призвал тем же самым призванием, каким и простолюдинов, одинаково возлюбив и освятив вас. Итак, поскольку вы одинаково и возлюблены, и призваны, и освящены; то не превозносите над незнатными.

Благодать вам и мир. И Господь заповедал апостолам, чтобы, когда входят в дома, это слово произносили первое. Брань, прекращенная Христом, которую породил для нас грех против Бога, была не легкая, а мир тот приобретен не нашими трудами, но благодатию Божиею: итак, первее благодать, потом мир. Апостол молит о непрерывном и ненарушимом пребывании обоих этих благ, чтобы опять, если впадем в грех, не возгорелась новая брань.

От Бога Отца нашего и Господа Иисуса Христа. О, как всесильна благодать, происшедшая от любви Божией! Враги и бесславные, мы стали иметь Отцом Самого Бога. Итак, от Бога Отца и Господа нашего Иисуса Христа да будут у вас непоколебимыми благодать и мир: Они даровали их, Они могут и сохранить их.

8. Прежде всего благодарю Бога моего через Иисуса Христа за всех вас, что вера ваша возвещается во всем мире.

Вступление, приличное душе Павла! Оно и нас научает благодарить Бога, и не только за собственные блага, но и за блага ближних; ибо в этом состоит любовь. Благодарить же не за земное и гибнущее, но за то, что римляне уверовали. А словами: **Бога моего** показывает тогдашнее расположение духа своего, присваивая общего Бога себе, как поступают и пророки, и даже Сам Бог, называя Себя Богом Авраамовым, Исааковым, и Иаков левым, чтобы показать свою любовь к ним. Благодарить, говорит, надобно **через Иисуса Христа**, ибо Он есть ходатай благодарения для нас ко Отцу, не только благодарить научающий нас, но и приносящий наше благодарение ко Отцу. За что же благодарить? **За то, что вера римлян возвещается во всем мире.** О двух предметах свидетельствует перед ними: и о том, что они уверовали, и о том, что уверовали с полною уверенностью, так что вера их возвещается во всем мире, а через них получают себе пользу все, горя соревнованием и подражанием царственному городу. И Петр проповедовал в Риме, но Павел, почитая труды его едиными со своими, благодарит за веру наученных Петром; так свободен он от зависти!

9. Свидетель мне Бог, Которому служу духом моим в благовествовании Сына Его, что непрестанно воспоминаю о вас.

Так как Павел еще не видался с римлянами, между тем хотел сказать, что всегда воспоминает о них, то и призывает во свидетели Того, Кто знает сердца. Заметь благоутробие апостола: он всегда воспоминает о людях, которых даже и не видал. Где же воспоминает? В молитвах, и притом непрестанно. **Служу** Богу, то есть рабствую **духом моим**, то есть не плотским служением, но духовным, ибо служение языческое есть плотское и ложное, а иудейское хотя не ложное, но также плотское, служение же христианское есть и истинное и духовное, о чем и Господь говорит самарянке: **Истинные поклонники будут поклоняться в духе и истине** (Ин. 4, 23). Так как много есть родов служения Богу (ибо один служит и работает Богу тем, что благоустраивает только свои дела, другой тем, что заботится о странниках и снабжает вдовиц,

как поступали сослужите ли Стефана, а иной тем, что проходит служение слова); то апостол говорит: *Которому служу в благовествовании Сына*. Выше он приписал благовестив Отцу; но это не странно: ибо Отцово принадлежит Сыну и Сыновнее Отцу. Говорит это, доказывая, что эти заботы необходимы для него; потому что кому поручено служение благовествования, тому необходимо заботиться обо всех, принявших слово.

10. Всегда прося в молитвах моих, чтобы воля Божия когда-нибудь благопоспешила мне прийти к вам.

Теперь прибавляет почему вспоминает о них. *Прийти*, говорит, *к вам*. Затем: как ни любил он их, как ни сильно желал видеть их, однако не хотел видаться с ними против воли Божией. Но мы или никого не любим, или если любим кого когда-нибудь, то делаем это против воли Божией. Что Павел непрестанно молился о том, чтобы видеть их, это происходило от сильной любви его к ним, а что он покорялся мановению Божию, это было знаком его великого благочестия. Не будем скорбеть и мы, если когда-либо не получим просимого в молитвах. Мы не лучше Павла, который трижды просил Господа о жале в плоти, и не получил желаемого (см. 2 Кор. 12, 7–9), ибо это было полезно для него.

11. Ибо я весьма желаю увидеть вас, чтобы преподать вам некое дарование духовное к утверждению вашему.

Другие, говорит, предпринимают дальние путешествия для иных целей, а «я» для того, чтобы преподать вам некое дарование. *Некое* говорит по скромности; ибо не сказал – «иду научить вас», но – *преподать* то, что я получил, и притом малое и соразмерное с моими силами. *Дарование*, то есть все, что возвещают учителя на пользу слушающим; ибо хотя учительство и доброе дело, однако и добрые дела наши суть дарования, потому что и для них нужна помощь свыше.

12. То есть утешиться с вами верою общюю, вашею и моею.

Скрытым образом дал разуметь, что римлян надлежит во многом исправить. Поскольку же и это сказано очень сильно (ибо римляне могли сказать: что ты говоришь? разве мы колеблемся, кружимся и имеем нужду в тебе, чтобы стать твердо?), то присовокупляет: *то есть утешиться*. Смысл такой: вы терпите много притеснений; почему мне желательно стало видаться с вами, чтобы сколько-нибудь утешить вас или, лучше сказать, чтобы и самому принять утешение. Этого требует общая польза. Ибо тогдашние верующие, проводившие жизнь как бы в плену, имели нужду в прибытии друг к другу и тем весьма утешали друг друга. Значит, и Павел нуждался в их содействии? Нимало, ибо он – столп Церкви. Напротив, чтобы не выразиться резко и, как сказали мы, не огорчить их, выразился он, что сам имеет нужду в утешении их. Если же кто скажет, что в этом случае утешало и веселило апостола приращение веры в римлянах, то и такая речь будет хороша: она видна и из слов апостола: *верою общюю, вашею же и моею*. В таком случае мысль будет следующая: и я, видя веру вашу, утешусь и возрадуюсь, и вы получите твердость от моей веры, получив утешение относительно того, в чем, может быть, колеблетесь, по малодушию. Но этого он не говорит явно, а, как сказано, искусно подразумевает это.

13. Не хочу, братия, оставить вас в неведении, что я многократно намеревался прийти к вам (но встречал препятствия даже донныне), чтобы иметь некий плод и у вас, как и у прочих народов.

Выше сказал, что молился, чтобы прийти к ним, а некоторые, вероятно, думали: если ты молишься и желаешь подать утешение и получить оное; то что препятствует тебе прийти? Поэтому присовокупил: *встречал препятствия* прийти от Бога. Затем, что апостол не любо-

пытствует, почему он *встречал препятствия*, но повинуется повелениям Владыки, научая и нас не любопытствовать о делах Божиих. Итак, он доказывает, что не пришел к ним не по нерадению или презрению. Я, говорит, так сильно люблю вас, что хотя встречал препятствия, однако никак не оставил своего намерения, напротив постоянно домогался прийти к вам, потому что весьма люблю вас.

Чтобы иметь некий плод и у вас, как и у прочих народов. Так как Рим был славный город, в который стеклись все как в город, богатый диковинами и великолепный; то, чтобы не подумал кто, что Павел весьма желал видеть римлян по этой же причине, говорит: я для того весьма желал прийти, чтобы иметь **некий плод**. Вместе с этим уничтожает и другое подозрение, ибо иной мог бы сказать: ты потому встречал препятствия, что хотел прийти вопреки воле Божией. Не сказал – «наставить в вере, научить», но выражается скромно – *чтобы иметь некий плод*, как и выше: *преподать некое дарование*. В то же время ограничивает и их, говоря: *как и прочих народов*. Не подумайте, говорит, что вы лучше прочих народов, потому что владычествуете: все вы стоите в одном строе.

14–15. Я должен и Еллинам и варварам, мудрецам и невеждам. Итак, что до меня, я готов благовествовать и вам, находящимся в Риме.

И это есть дело скромности. Я, говорит, не милость какую оказываю, но исполняю повеление Владыки, и вы должны благодарить Бога, ибо Он благодетельствует, а я *должен*. То же самое сказал и коринфянам: *Горе мне, если не благовествую!* (1 Кор. 9, 16). Поэтому я готов и вам проповедовать, хотя бы перед глазами были опасности. Такова была ревность его о Христе!

16. Ибо я не стыжусь благовествования Христова, потому что оно есть сила Божия ко спасению всякому верующему, во-первых, Иудею, потом и Еллину.

Римляне слишком привержены были к мирской славе, а Павел должен был проповедовать Иисуса, претерпевшего всякое бесславие, и римлянам естественно можно было стыдиться, что таков Спаситель. Поэтому говорит: *не стыжусь*, научая между прочим и их не стыдиться, потому что и он не только не стыдился Распятого, но и хвалился и величался Им. Кроме того, поскольку они надмевались мудростью, то я, говорит, иду проповедовать Крест, и не стыжусь того, ибо он *есть сила Божия ко спасению*. Есть сила Божия и в наказание; так Бог доказал силу Свою египтянам, наказав их. Есть также сила в погибель, как сказано: *Бойтесь Того, Кто может погубить в геенне* (Мф. 10, 28). Итак, что я, Павел, проповедую, то содержит не наказание, не погибель, но спасение. Кому? *Всяком у верующему*. Ибо благовестив служит во спасение не просто всем, но приемлющим его.

Во-первых, Иудею, потом и Еллину. Здесь слово *во-первых* означает первенство в порядке, а не преимущество в благодати. Ибо иудея не должно предпочитать потому, будто он больше получает оправдания: он только удостоился получить его прежде; почему словом *во-первых* выражается только первенство в порядке речи.

17. В нем открывается правда Божия от веры в веру, как написано: праведный верою жив будет.

Сказав, что благовестив есть во спасение, объясняет, как оно есть во спасение. Нас, говорит, спасает правда Божия, а не наша. Ибо какую можем иметь правду мы, проклятые в делах и растленные? Но Бог оправдал нас, не от дел, но от веры, которая должна возрасть в большую и большую веру; ибо недостаточно того, чтобы сначала уверовать, но мы должны восходить от первоначальной веры в веру совершеннейшую, то есть в состояние непоколебимое и твердое, как и апостолы сказали Господу: *Умножь в нас веру* (Лк. 17, 5). А сказанное, то есть что мы оправданы правдою Божиею, подтверждает словами из пророчества Аввакума (Авв. 2, 4). *Праведный же, говорит, от веры жив будет*. Так как дарованное нам Богом превосходит

все мысли человеческие, то по справедливости нужна для нас вера: ибо если бы мы начали выведывать дела Божий, то потеряли бы все.

18. Ибо открывается гнев Божий с неба на всякое нечестие и неправду человеков, подавляющих истину неправдою.

Начав с того, что доставляет большие блага, и сказав, что правда Божия открывается через благовестив, употребляет теперь выражения, которые могут утешить, ибо знал, что большая часть людей привлекается к добродетели страхом. Так и Бог, говоря о Царстве, говорит вместе и о геенне. И пророки сначала предлагают обетования, а потом угрозы. Ибо первое есть дело предварающей воли Божией, а последнее – следствие нашего нерадения. Затем здесь порядок речи: пришел, говорит Христос, и принес тебе оправдание и прощение; если не примешь их, то открывается гнев Божий с неба, очевидно, во время второго пришествия.

И теперь мы испытываем гнев Божий, но к исправлению, а тогда только к наказанию. И теперь мы во многом думаем видеть обиду от людей, а тогда явно будет, что наказание от Бога на всякое нечестие. Истинное служение и благочестие одно, а нечестие многообразно; поэтому и сказал: *всякое нечестие*, так как оно имеет много путей, *и неправду человеков*. Нечестие и неправда не одно и то же. То бывает против Бога, а эта против людей, и притом первое есть грех созерцательный, а последняя деятельный. И неправда имеет много путей, ибо ближнего обижает кто-нибудь или в имении, или в жене, или в чести. Впрочем, некоторые утверждают, что Павел и под неправдою разумеет учение. А что значит *подавляющих истину неправдою*, послушай. Истина, или ведение о Боге, вложена в людей при самом рождении их, но эту истину и ведение язычники содержали в неправде, то есть оскорбили, поступая против сообщенного им, приписав славу Божию идолам. Представь человека, получившего деньги для издержек на славу царя. Если бы он издержал их на воров и блудниц, то по справедливости был бы назван оскорбителем славы царя. Так и язычники содержали в неправде, то есть скрыли и несправедливо затмили славу Бога и ведение о Нем, употребив их не так, как следовало употребить.

19–20. Ибо, что можно знать о Боге, явно для них, потому что Бог явил им. Ибо невидимое Его, вечная сила Его и Божество от создания мира через рассматривание творений видимы, так что они безответны.

Выше сказал, что язычники оскорбили ведение о Боге, употребив его не так, как следовало. Из чего же видно, что они имели это ведение, об этом говорит теперь: *что можно знать о Боге, явно явил им*. Затем и это доказывает, говоря, что о Создателе возвещает благоустройство творений, как и Давид говорит: *Небеса проповедуют славу Божию* (Пс. 18, 2). А что именно можно знать о Боге, познай из следующего. О Боге иного нельзя знать, именно сущности Его, а иное можно знать, это – все, относящееся к сущности, то есть благость, мудрость, сила, Божество или величество, что и называет Павел невидимым Его, но через рассматривание тварей видимых. Таким образом, апостол показал язычникам, что можно знать о Боге, то есть все, касающееся Его сущности, что для чувственных очей невидимо, но умом может быть познано из благоустройства творений. Некоторые под *невидимым* разумеют здесь ангелов; но такое разумение, по моему мнению, некстати. Один же из отцов высказал, что *вечная сила* есть Сын, а *Божество* Дух Святой.

Так что они безответны. Так оказалось на деле. Бог сотворил мир не для того, чтобы они были безответны; но так случилось на деле. Заметь эту особенность Писания и не порицай ее. В нем во многих местах встречаются такие выражения, для объяснения которых надобно отыскивать причину упоминаемого в нем в опыте. Так Давид говорит: *и лукавое пред очами Твоими сделал, так что Ты праведен в приговоре Твоем* (Пс. 50, 6). Выражение это кажется странным; но оно не таково. В нем высказывается следующее: благодетельствованный Тобою,

Господи, паче всякого чаяния, я согрешил пред Тобою; от этого и произошло, что если Ты предъявишь Свои права против меня на суде, то победишь. Значит, Бог оправдывается из действий наших, когда мы оказываемся неблагодарными к Нему за полученные от Него благодеяния и не имеем ничего в извинение себя. Не имеют, значит, никакого извинения и язычники; ибо они, познав Бога из творения, не прославили Его, как должно, но подобающее Ему почитание воздали идолам.

21–22. Но как они, познав Бога, не прославили Его, как Бога, и не возблагодарили, но осуетились в умствованиях своих, и омрачилось неосмысленное их сердце; называя себя мудрыми, обезумели.

Представляет причину, по которой они впали в такое безумие. Во всем, говорит, положились на свои умствования, и, желая найти не отображаемого в образах и бестелесного в телах, оказались безуспешными, не могущими достигнуть цели посредством умствований. Неразумным, **несмысленным**, называет сердце их потому, что они не хотели познавать все верою. Отчего же дошли они до такого заблуждения, что во всем положились на свои умствования? Оттого, что воображали себя мудрыми, почему и обезумели. Ибо есть ли что безумнее поклонения камням и деревьям?

23. И славу нетленного Бога изменили в образ, подобный тленному человеку, и птицам, и четвероногим и пресмыкающимся.

Изменяющий, прежде нежели изменить, имеет у себя нечто другое. Имели, значит, и они ведение, но погубили его, и, пожелав иметь нечто другое вместо того, что имели, потеряли и то, что имели. Воздали же славу нетленного Бога не человеку, но образу тленного человека, и, что хуже этого, низошли до пресмыкающихся, даже до их образов. До такой степени обезумели они! Познание, какое надлежало иметь о Существо, без сравнения превосходящем все, они приложили к предмету, без сравнения презреннейшему всего. А **славу** Божию составляет то, чтобы познавать, что Бог все сотворил, обо всем промышляет, и прочее, приличное Ему. Кто же именно погрешил в сказанном? Мудрейшие, египтяне; ибо они почитали даже изображения пресмыкающихся.

24–25. То и предал их Бог в похотях сердец их нечистоте, так что они сквернили сами свои тела. Они заменили истину Божию ложью, и поклонялись, и служили твари вместо Творца, Который благословен во веки, аминь.

Слово **предал** употреблено вместо «попустил», подобно тому, как врач, пользующий больного, видя, что он небрежет о диете и не слушается его, предает его в большую болезнь, то есть оставляет его и попускает ему следовать собственной воле и таким образом не освободиться от болезни. Некоторые, впрочем, выражение **предал Бог** понимали так: предал их обиде и дерзости, причиненным ими Богу, подобно тому, как говорим: такого-то погубили деньги, тогда как деньги не губят но злоупотребление ими, или Саула или Самуила развратило царство, то есть злоупотребление царством. Итак, язычники преданы нечистоте собственным непотребством, так что не было надобности в других, которые бы оскорбляли их, но они сами причинили себе оскорбление, ибо таковы нечистые страсти те. За что же преданы они нечистоте? За то, что оскорбили Бога; ибо кто не хочет знать Бога, тот тотчас развращается и в нравственности, как и Давид говорит: **Сказал безумец «нет Бога»**, потом: **развратились, совершили гнусные дела** (Пс. 13, 1). Они изменили то, что поистине принадлежало Богу, и приложили это к ложным богам. **Поклонялись** поставлено вместо «воздали честь». **И служили** – вместо – «оказали служение делами». Не просто сказал: **поклонялись и служили твари, но вместо Творца**, увеличивая вину сравнением. Несмотря на то, говорит, **Бог благословен во веки**, то есть нимало не потерпел вреда оттого, что они оскорбили Его, но есть благословен во веки, непоколебимо и несомненно; ибо это значит **аминь**.

26–27. Потому предал их Бог постыдным страстям: женщины их заменили естественное употребление противоестественным. Подобно и мужчины, оставив естественное употребление женского пола, разжигались похотью друг на друга, мужчины на мужчинах делая срам и получая в самих себе должное возмездие за свое заблуждение.

Опять называет преданием оставление Богом, происшедшее оттого, что они служили твари. Как в учении о Боге они развратились, оставив руководство творения, так и в жизни сделались гнусны, оставив удовольствие естественное (которое всего удобнее и приятнее) и предавшись удовольствию противоестественному (которое всего затруднительнее и неприятнее). Это означает слово **заменяли**, которое показывает, что они оставили то, что имели, и избрали иное. Итак, великим обвинителем того и другого пола представляет природу, которую они преступили. Высказав сокровенно о женщинах нечто постыдное и такое, что непристойно высказать ясно, говорит и о мужчинах, что они **разжигались похотью друг на друга**, показывая, что они предались сладострастию и неистовой любви. Не сказал же – «вожделение» **делая**, но – **срам**, показывая, что они поругали природу, **а разжигались похотью** сказал с той целью, чтобы кто не подумал, будто болезнию их было одно вожделение. **Делая срам** – то есть с ревностью предавались нечистоте, совершая ее на самом деле, и получали возмездие за отступление от Бога и идолопоклонническое заблуждение в этом самом сраме и в этом самом удовольствии, имея в нем, как противоестественном и полном нечистоты, наказание для себя. А говорит это Павел потому, что нельзя еще было убедить их в существовании геенны. Если, говорит, не веришь учению о геенне, то верь тому, что наказание для них заключается в самой нечистой деятельности.

28. И как они не заботились иметь Бога в разуме, то предал их Бог превратному уму – делать непотребства.

Вот в третий раз повторяет ту же мысль и употребляет то же слово, говоря: **предал**, а причиною того, что они оставлены Богом, везде представляет нечестие людей, как и теперь поступает. **И как они не заботились иметь Бога в разуме, то предал их** страсти. Оскорбление, говорит, причиненное ими Богу, было не грехом неведения, но намеренным. Ибо не сказал «поскольку» не познали, но говорит: **и как они не заботились**, то есть решили не иметь Бога в разуме и добровольно избрали нечестие. Значит, грехи их суть грехи не плоти, как утверждают некоторые еретики, но неправильных суждений. Сначала они отвергли познание Бога, а потом уже Бог попустил им впасть в превратный ум; ибо отвращение Бога и оставление Им называется в Писании преданием. Чтобы лучше истолковать выражение: **предал их Бог**, некоторые из отцов воспользовались прекрасным примером. Они рассуждают: когда кто-нибудь, не желая видеть солнце, закрывает глаза и потом падает в яму, мы говорим, что не солнце, которого он не видит, ввергло его в яму, что человек упал в яму не оттого, будто солнце ввергло его туда в сердцах, но оттого, что оно не осветило его глаз. А почему оно не осветило его глаз? Потому что он закрыл глаза. Так и Бог предал их постыдным страстям. Почему? Потому что люди не познали Его. А они почему не познали Его? Потому что не рассудили и не решили познать Его.

29. Так что они исполнены всякой неправды, блуда, лукавства, корыстолюбия, злобы, исполнены зависти, убийства, распрей, обмана, злонравия.

Заметь, как усиливает речь; называет их исполненными и притом **всякой** неправды, то есть достигшими крайней степени всякого порока. Потом исчисляет и виды порока.

Блуда. Именем блужения обозначает всякую вообще нечистоту.

Лукавства. Это коварство против ближнего.

Корыстолюбия. Это – вожделение имений.

Злобы. Это – злопамятство.

Исполнены зависти, убийства. Убийство всегда происходит от зависти. Так Авель убит по зависти. И Иосифа хотели убить по зависти же.

Распрей, обмана. От зависти происходят и распри и обман на погибель тому, кому завидуют.

Злонравия. Глубоко скрытая злоба, забытая по какой-то доброте.

30. Злоречивы, клеветники, богоненавистники, обидчики, самохвалы, горды, изобретательны на зло, непослушны родителям.

Злоречивы. Тайные наушники.

Клеветники. Явные поносители.

Богоненавистники. Ненавидящие Бога, или ненавидимые Богом.

Обидчики, самохвалы, горды. Восходит к твердыне зол. Ибо если гордящийся добрым делом губит его гордостью, то во сколько более губит он его, когда делает зло? Такой человек не способен раскаяться. Знай же, что величавость есть презрение Бога, а гордость – презрение людей, от которого рождается оскорбление; ибо презирающий людей оскорбляет и попирает всех. Гордость по природе предшествует оскорблению; но нам сначала становится явным оскорбление, а потом уже делается известною мать его – гордость.

Изобретательны на зло. Ибо не довольствовались сделанным прежде злом, откуда опять видно, что грешили не по увлечению, но намеренно и по собственному расположению.

Непослушны родителям. И против самой природы, говорит, восстали.

31. Безрассудны, вероломны, нелюбовны, непримиримы, немилостивы.

Безрассудны. И справедливо. Ибо могли ли понять что-нибудь те, которые не слушались родителей?

Вероломны. То есть не устойчивы в договорах, то есть вероломны.

Нелюбовны, непримиримы, немилостивы. Корень всех зол есть самое охлаждение любви: ибо отсюда происходит, что один с другим не мирится, один другого не любит, один другого не милует. Об этом и Христос сказал: *По причине умножения беззакония охладееет любовь* (Мф. 24, 12). Сама природа соединяет нас друг с другом, как и прочих животных; но люди не поняли этого.

32. Они знают праведный суд Божий, что делающие такие дела достойны смерти; однако не только их делают, но и делающих одобряют.

Доказав, что язычники исполнились всякого порока оттого, что не захотели познать Бога, теперь доказывает, что они не заслуживают извинения. Они не могут сказать: мы не знали добра, ибо знали, что Бог правосуден. Значит, они делают зло добровольно и, что еще хуже, одобряют делающих его, то есть покровительствуют злу, каковая болезнь неисцелима.

Глава вторая

1. Итак, неизвинителен ты, всякий человек, судящий другого, ибо тем же судом, каким судишь другого, осуждаешь себя, потому что судя другого, делаешь то же.

Все мы люди не одинакового настроения: иногда покровительствуем злу, иногда бываем судьями чужих зол, осуждаем подобных себе. Итак, сказав прежде о тех, которые одобряли злых, теперь ведет речь об осуждении и говорит: **Итак, неизвинителен ты.** То есть ты знал, что правосудие Божие состоит в том, чтобы достойно наказывать злых; поэтому и не имеешь извинения ты, осуждающий, делающих то же, что и ты делаешь. Кажется, что слова эти относятся к народным правителям, особенно же к римлянам, как тогдашним властителям вселенной; ибо судить есть дело народных правителей. Впрочем, это приличествует и всякому человеку, ибо всякий человек может судить, хотя бы и не было у него судейского стула. Итак, когда осуждаешь, говорит, прелюбодея, а сам прелюбодействуешь, то осуждаешь самого себя.

2. А мы знаем, что поистине есть суд Божий на делающих такие дела.

Чтобы кто не сказал о себе: «Я доселе прелюбодействовал и избежал суда», апостол, устрашая его, говорит, что у Бога не так: у нас одного наказывают, а другой, хотя то же делает, избегает наказания; но у Бога не так: ибо суд Божий на дурных людей есть поистине.

3–6. Неужели думаешь ты, человек, что избежишь суда Божия, осуждая делающих такие дела и (сам) делая то же? Или пренебрегаешь богатство благости, кротости и долготерпения Божия, не разумея, что благость Божия ведет тебя к покаянию? Но, по упорству твоему и нераскаянному сердцу, ты сам себе собираешь гнев на день гнева и откровения праведного суда от Бога. Который воздаст каждому по делам его.

Выше сказал, что воздаяние дурным людям за заблуждение и почитание тварей заключается в тех самых несчастиях, которым они предавались, потому что самая нечистота была достаточным наказанием для них. Теперь открывает уже для них и наказание. Для тебя, говорит, человек, есть и другое наказание: ты не избежишь суда Божия. Как избежишь ты суда Божия, когда не избежал своего суда? Ибо в чем осудил ты другого, в том произнес приговор на самого себя. Если же ты полагаешься на долготерпение Божие потому, что еще не наказан, то эта ненаказанность служит к большему наказанию для тебя. Ибо долготерпение Божие спасительно для тех, кто пользуется им к исправлению себя, а для тех, кто употребляет его к умножению греха, оно служит большим поводом к наказанию, не по природе своей, но по жестоко-сердию таковых. **Собираешь**, говорит, **себе гнев**, – не Бог собирает тебе, но ты сам собираешь себе. Как это? Своим непреклонным и жестким к добру сердцем. Ибо что может быть жестче тебя, когда ты ни благостию не смягчаешься, ни страхом не преклоняешься? Далее, сказав о дне, присовокупляет: **и откровения праведного суда от Бога.** И справедливо, чтобы кто не почел суда действием гнева. Откровение, говорит, всего. Поэтому воздаяние сообразно тому, что открывается, а вследствие этого и суд праведный. Здесь правда не всегда одерживает верх, потому что дела скрываются, а там за откровением следует суд праведный. Заметь это место, сравнив его со следующим: **ожесточу сердце Фараона** (Исх. 4, 21), ибо Павел изъясняется почти одними и теми же словами.

7. Тем, которые постоянством в добром деле ищут славы, чести и бессмертия, – жизнь вечную.

Сказав, что Господь воздаст каждому, начал с награды добрых, делая таким образом речь свою приятною. В словах **постоянством в добром деле** высказывает, во-первых, то, что от добра не должны отступать, ни совершать его нерадиво, но пребывать в нем до конца, а во-

вторых – то, что не должно полагаться на одну веру, потому что нужно и доброе дело. Словом **бессмертия** отвергает двери воскресения. Потом, так как все восстанем, но не все для одного и того же, но одни для славы а другие для наказания, то упомянул о славе и чести. Итак, вся речь имеет такой смысл. Тем, говорит, которые ищут будущей славы, чести и нетления и никогда не выпускают их из мыслей своих, Бог воздаст, то есть в воскресение, жизнь вечную. Каким же образом снискиваются будущая слава, честь и нетление? Постоянством в добром деле. Ибо постоянный в добром деле и твердо стоящий против всякого искушения действительно снискивает и славу и честь и бессмертие или наслаждение нетленными благами в нетленном теле.

8–9. А тем, которые упорствуют и не покоряются истине, но предаются неправде, – ярость и гнев. Скорбь и теснота всякой душе человека, делающего злое, во-первых, Иудея, потом и Еллина!

Здесь речь о неразумном упорстве. *А тем, которые упорствуют*, то есть с усилием. Здесь показывает, что они сделались злыми не по неведению, но по упорству, почему и недостойны помилования. И покорность неправде и непокорность правде также есть грех произвола; ибо не сказал: которые принуждены и терпят насилие, но которые **предаются**. Затем же, что о воздаянии жизни вечной Богом выразился иначе о прискорбном. **Ярость**, говорит, **и гнев и скорбь**. Не сказал: воздадутся Богом, но оставил речь не конченною, чтобы подразумевали: будет. Ибо Богу свойственно животворить, а наказание есть следствие нашей беспечности. Словами **всякой душе человека** обуздывает гордость римлян. Хотя бы кто, говорит, был царем, не избежит наказания, если творит злое, то есть остается в зле и не раскаивается: ибо не сказал – «делающий», но – «делающий зло со тщеславием». А как иудей большее получил наставление, то он достоин большей казни, ибо **сильные сильно будут истязаны** (Прем. 6, 6) и более сведущие тяжелее будут наказаны.

10–11. Напротив, слава же и честь и мир всякому, делающему доброе, во-первых, Иудею, потом и Еллину! Ибо нет лицемерия у Бога.

В следующем далее апостол намерен доказать, что ни обрезание не приносит пользы, ни необрезание не причинит вреда, и затем показать необходимость веры, оправдывающей человека. В этих видах он сначала ниспровергает иудейство. Заметь же мудрость. Говорит о бывшем до пришествия Христова, что мир был исполнен пороков и что все подлежали казни, во-первых, иудей, потом эллин. Признав же за несомненное, что язычник будет наказан за зло, из этого положения выводит заключение, что он будет и награжден за добро. Если же и награда и наказание суть последствия дел, то закон и обрезание уже излишни, и не только излишни, но и приготавливают иудею большее наказание; ибо если осуждается язычник потому, что не руководствовался природою, а потому и естественным законом, то гораздо более осуждается иудей, который при том же руководстве воспитан был еще в законе. К этому клонится речь апостола. Теперь узнай смысл слов. Под «эллинами» понимает здесь не идолопоклонников, но людей богобоязненных и живших благочестиво, не имея закона, каковы: Мелхиседек, Иов, ниневитяне, наконец Корнилий. Равным образом и под «иудеями» понимает иудеев, живших до пришествия Христова. Ибо, стараясь доказать, что обрезание не имеет никакой силы, обращает внимание на времена древние и показывает, что никакого не было различия между богобоязненным язычником и добродетельным иудеем. Если же иудей ничем не превосходит язычника до пришествия Христова, когда иудейство особенно было славно, то тем более не превосходит оно его теперь, когда закон отменен. Так говорит апостол, имея в виду сокрушить гордость иудеев, которые не принимали к себе происходивших от язычества. **Слава**, говорит, **и честь и мир**. Блага земные всегда имеют врагов, сопряжены с беспокойствами, подвержены зависти и козням, и хотя бы совне никто не угрожал им, сам обладающий ими всегда беспокоится в помыслах; а слава и честь у Бога наслаждаются миром и чужды беспокойства в помыслах, как

не подлежащие козням. Поскольку же казалось невероятным, чтобы удостоивался чести язычник, не слыхавший закона и пророков, то доказывает это тем, что Бог нелицеприятен. Бог, говорит, не принимает в уважение лица, но испытует дела. Если же по делам между иудеем и язычником нет никакого различия, то ничто не препятствует последнему удостоиться одинаковой чести с первым. Итак, когда отменен закон, не величайся, иудей, перед тем, который из язычников, делающий добро, равен был тебе даже в то время, когда иудейство твое было в славе.

12–13. *Те, которые, не имея закона, согрешили, вне закона и погибнут, а те, которые под законом согрешили, по закону осудятся, потому что не слушатели закона праведны пред Богом, но исполнители закона оправданы будут.*

Выше доказал, что язычник удостоивается такой же чести, какой и иудей. Теперь доказывает, что во время наказания постигнет иудея осуждение. Язычники, говорит, **не имея закона, согрешили**, то есть не быв научаемы законом, поэтому **вне закона и погибнут**, то есть легче будут наказаны, как не имеющие обличителем закона; ибо **вне закона** значит: не подлежа осуждению по закону. Напротив, иудей согрешил **под законом**, то есть быв изучаем и от закона поэтому и суд примет, то есть осужден будет, **по закону**, как подлежащий закону, который обличает его и подвергает большему осуждению. Как же ты, иудей, говоришь, что не имеешь нужды в благодати, потому что оправдывается законом? Вот доказано, что тебе нет никакой пользы от закона, так что имеешь большую, нежели язычник, нужду в благодати, как не оправдываемый пред Богом одним слушанием закона. Перед людьми слушатели закона могут казаться честными; но пред Богом не так: пред Ним оправдываются исполнители закона.

14–15. *Ибо, когда язычники, не имеющие закона, по природе законное делают, то, не имея закона, они сами себе закон: они показывают, что дело закона у них написано в сердцах, о чем свидетельствует совесть их и мысли их, то обвиняющие, то оправдывающие одна другую.*

Доказывает то, что говорит против иудеев, и ведет речь с мудрым искусством, чтобы не показаться, будто говорит что-нибудь против закона. Как бы хваля и возвышая закон говорит, что заслуживают удивления те, которые не имеют закона **по природе**, то есть имея убеждение в мыслях; ибо они не имели нужды в законе, а между тем выполнили закон, запечатлев в сердцах своих не письмена, но дела, и вместо закона пользуясь, во свидетельство о добром, совестию и природными мыслями. Говорит здесь о трех законах: о законе писанном, о законе естественном и о законе дел. **Язычники, не имеющие закона.** Какого? Писанного. **По природе законное делают.** По какому закону? По закону, обнаруживающемуся в делах. **Не имея закона.** Какого? Писанного. **Они сами себе закон.** Как это? Руководствуясь законом естественным. **Они показывают, что дело закона у них написано в сердцах.** Какого? Закона в делах. Затем мудрость: не поразил иудеев, как требовал этого ход речи. По ходу речи следовало сказать так: когда язычники, не имеющие закона, делают законное по природе, то они гораздо превосходят наставленных в законе. Но апостол не сказал так, а выразился мягче, так – **они сами себе закон.** Этим он доказывает, что и в древнейшие времена, и прежде нежели дан закон, род человеческий находился под тем же Промыслом. Этим заграждает также уста тем, которые говорят: почему Христос не пришел научить деланию добра прежде, изначала? Познание добра и зла, говорит, Он вложил во всех изначала; когда же увидел, что оно не помогает, то пришел наконец Сам.

16. *В день, когда, по благовествованию моему, Бог будет судить тайные дела человеков через Иисуса Христа.*

С этих слов начинай новую речь; ибо теперь говорит апостол о том, каким образом судимы будут все вообще люди. В день суда предстанут собственные наши мысли, то осуждающие, то оправдывающие, и человеку не нужно будет на судилище том ни другого обвинителя, ни другого защитника. А чтобы увеличить страх, не сказал – «грехи», но – **тайные дела**. Люди могут судить одни явные дела, а Бог, говорит, будет судить тайные дела через Иисуса Христа, то есть Отец через Сына, потому что Отец не судит никого, но всякий суд отдал Сыну (см. Ин. 5, 22). Можешь и так разуметь слова **через Иисуса Христа**: по благовествованию моему, предоставленному мне Иисусом Христом. Здесь внушает, что благовествование не проповедует ничего противоестественного, но возвещает то же самое, что в начале внушено людям самую природу, то есть что и благовествование свидетельствует о суде и наказании.

17–18. Вот, ты называешься Иудеем, и успокаиваешь себя законом, и хвалишься Богом, и знаешь волю Его, и разумеешь лучшее, научаясь из закона.

Сказав, что для спасения язычника, исполняющего закон, ничего более не нужно, вычисляет, наконец, преимущества иудеев, полагаясь на которые они гордились перед язычниками. Прежде всего говорит об имени иудея, ибо оно составляло большое преимущество, как теперь имя христианина. Не сказал – «ты иудей», но – **называешься**, ибо истинный иудей тот, которого исповедуют иудеем, потому что Иуда значит исповедание. **И успокаиваешь себя законом** вместо не трудишься, не ходишь, не разумеешь, что должно делать, но имеешь закон, без труда наставляющий тебя на все. **И хвалишься Богом**, то есть что ты любим Богом и предпочтен прочим людям; обращать же любовь Божию в средство презирать существа однородные есть признак крайнего неразумия. **И знаешь волю Его**, то есть Божию. **И разумеешь лучшее**, то есть решает, что должно делать и чего не должно делать. Под **лучшее** надо разуметь приличное или полезное каждому.

19–20. И уверен в себе, что ты путеводитель слепых, свет для находящихся во тьме, наставник невежд, учитель младенцев, имеющий в законе образец ведения и истины.

Выше говорил, что слушание закона не приносит никакой пользы, если не будет присоединено исполнения; **потому что не слушатели закона**, говорит, **праведны пред Богом, но исполнители закона** (ст. 13). Теперь говорит нечто большее, именно: хотя бы ты был учитель, но если не исполняешь закона, то не только не получаешь себе никакой пользы, но и навлекаешь на себя большее наказание. И как иудеи весьма превозносились учительским достоинством своим, то из этого особенно доказывает, что они достойны осмеяния. Ибо когда говорит: **путеводитель слепых, учитель младенцев** и прочее, то изображает надменность иудеев, которые называли себя именно путеводителями, светом и наставниками, а обращенных из язычества именовали находящимися во тьме, младенцами и невеждами. Но ты имеешь образец ведения и истины не в делах и не в заслугах, но – **в законе**, полагаясь на него, как на изображение добродетели. Так иной, имея у себя царское изображение, сам ничего не списывает с него, но те, у которых нет его, и не видя его, верно подражают ему. Итак, всякий учитель пишет и изображает в душах учеников познание добра и потому самую истину. Если он осуществляет это и в деятельности, то будет совершен; в противном случае будет таким, каковы осуждаемые теперь апостолом. Некоторые под **образцом** разумели образец ведения не настоящий. Ты имеешь, говорит, познание и благочестие не истинное, но подделанное и прикрытое ложным видом.

21–24. Как же ты, уча другого, не учишь себя самого? Проповедуя не красть, крадешь? говоря: «не прелюбодействуй», прелюбодействуешь? гнушаясь идолов, святотат-

ствуешь? Хвалишься законом, а преступлением закона бесчестишь Бога? Ибо ради вас, как написано, имя Божие хулится у язычников.

Излагает мысль свою в виде вопроса, пристыжая тех, которые хвалились, что они – учителя. Святотатством называет хищение посвященного идолам; ибо хотя они гнушались идолами, но, обладаемые сребролюбием, коснулись посвященного идолам, из постыдной корысти. После этого излагает самую тяжкую вину, говоря: ***хвалишься законом***, как превознесенный честью от Бога через закон, ***а преступлением закона бесчестишь Бога***. Здесь три вины. Первая: иудеи бесчестят; вторая: бесчестят Бога, превознесшего их честью; третья: бесчестят закон, нарушая его, тогда как он служил к их чести. Но чтобы не подумали, что обвиняет иудеев сам собою, привел в обвинителя их пророка Исая (см. Ис. 52, 5), выставляя две вины их. Ибо они не только сами оскорбляют Бога, но и других приводят к тому, и не только не учат жить по закону, но и учат противному, учат, что противно закону, хулить Бога; ибо, видящие их развращение говорят: этих ли должен любить Бог? неужели Бог, любящий таковых, есть истинный Бог?

25. Обрезание полезно, если исполняешь закон; а если ты преступник закона, то обрезание твое стало необрезанием.

Так как обрезание было в большом уважении у иудеев, то не сказал о нем тотчас в начале, что обрезание излишне и бесполезно, но на словах допускает, а на деле отвергает его, и говорит: я согласен, что обрезание полезно, но тогда, когда исполняешь закон. Не сказал, что оно бесполезно, чтобы не подумали, что уничтожает обрезание; но доказывает, что иудей не имеет обрезания, говоря: ***обрезание твое стало необрезанием***. Итак, доказывает, что иудей не обрезан по сердцу. Два разумеет обрезания и два необрезания: одно наружное, а другое внутреннее. Именно: обрезание наружное есть обрезание плотское, когда обрезывается кто по плоти, обрезание духовное состоит в отвержении плотских страстей. И необрезание плотское бывает тогда, когда кто остается не обрезанным по плоти, а необрезание духовное бывает тогда, когда кто, имея языческую душу, нисколько не отсекает страстей. Мысль Павла такая: если ты обрезан по плоти, но не выполняешь узаконенного, то ты еще необрезанный, необрезанный по духу; равным образом, кто необрезан по плоти, но выполняет узаконенное, тот обрезанный по духу, потому что у него отъяты плотские страсти. Это объясняет и далее. Послушай.

26. Итак, если необрезанный соблюдает постановления закона, то его необрезание не вменится ли ему в обрезание?

Не говорит, что необрезание превосходит обрезание, ибо это слишком больно, но говорит, что ***ему в обрезание вменится***. Поэтому истинное обрезание есть добрая деятельность: равным образом необрезание есть худая деятельность. Заметь, не сказал: если необрезание сохранит закон; ибо, вероятно, предполагал такое возражение от кого-нибудь: возможно ли, чтобы сохранил закон человек необрезанный, когда самое бытие необрезанным составляет нарушение закона? Как же выразился? ***Постановления***, то есть постановления, выполнением которых думают оправдаться. Ибо обрезание не было делом, но страданием, претерпеваемым тем, кого обрезывали, почему и не может называться оправданием закона. Оно дано как знак, чтобы не смешивали иудеев с язычниками.

27–29. И необрезанный по природе, исполняющий закон, не осудит ли тебя, преступника закона при Писании и обрезании? Ибо не тот Иудей, кто таков по наружности, и не то обрезание, которое наружно, на плоти; но тот Иудей, кто внутренне таков, и то обрезание, которое в сердце, по духу, а не по букве: ему и похвала не от людей, но от Бога.

Здесь ясно показывает, что разумеет два необрезания: одно естественное, а другое произвольное, бывающее, как сказано, тогда, когда кто нисколько не отсекает плотских страстей,

и два обрезания: одно по плоти, а другое в духе обрезание сердца. **Необрезанный**, говорит, **по природе** имеющий обрезание страстей через исполнение **закона**, то есть, как выше сказано, оправданий закона, **осудит**, то есть обвинит, не обрезание (ибо говорить так о нем было тяжело), но **тебя**, по наружности действительно обрезанного по плоти, но необрезанного по сердцу, как преступника оправданий закона. Таким укоряет не обрезание (которое очень, казалось бы, уважает), но оскорбителя или преступника его. Потом, доказав это, ясно определяет и то, кто есть истинный иудей, и дает разуместь, что иудеи все делали из тщеславия. **Ибо не тот Иудей**, говорит, **кто таков по наружности, но кто внутренно таков**, который ничего не делает просто чувственно, но понимает духовно и субботы, и жертвы, и очищения. Когда говорит: **обрезание, которое в сердце, по духу**, то пролагает путь к христианскому образу жизни и показывает необходимость веры, ибо верование сердцем и духом имеет похвалу от Бога, испытующего сердца и ни о чем не судящего по плоти. Из всего следует, что везде нужна жизнь. Под именем необрезанного или язычника разумеет, как и выше сказано, не идолопоклонника, но человека благочестивого и добродетельного, не соблюдающего, однако, иудейских обрядов.

Глава третья

1–3. Итак, какое преимущество быть Иудеем, или какая польза от обрезания? Великое преимущество во всех отношениях, а наипаче в том, что им вверено слово Божие. Ибо что же? если некоторые и неверны были, неверность их уничтожит ли верность Божию?

Отринув все постановления закона словами **какое преимущество быть Иудеем**, видит естественно рождающееся возражение и предотвращает его. Какое же это возражение? Следующее: если в постановлениях тех нет ни малой пользы, то для чего же, наконец, избран народ иудейский? Возражение это решает с свойственной ему мудростию. На словах соглашается и говорит, что великая польза иудею, а в доказательство этого приводит не заслуги иудеев, но дарования Божий. Не сказал, что иудеи весьма превосходят прочие народы, потому что хорошо выполнили то-то и то-то, но что **им вверено слово Божие**, а это есть благодеяние Божие, а не превосходство их. Что значит **вверено**?

Дано, поручено; Бог признал иудеев достойными и потому вверил им небесные откровения. Говоря так, казалось бы, защищает их; но при всем том выставляет на вид новое обвинение, доказывая, что они не уверовали словам Божиим, которые служили к их чести. Но это обвинение представляет не от своего лица. Как бы так говорит: какая польза иудеям от того, что они получили откровение Божие, когда они не уверовали ему? Кажется, и это возражение решает, оправдывая не иудеев, но Бога. Если не уверовали, то от Бога ли это? Разве неверность **их уничтожит верность Божию**, то есть поручение им откровения и благодеяние? Неверность иудеев не только не причиняет Богу никакого вреда, но, напротив, доказывает большое человеколюбие Его; потому что Он лишает благодеяния тех, которые впоследствии бесчестят Его. Видишь ли, как обвинил иудеев, тем самым, чем они хвалились, то есть тем, что получили закон.

4. Никак, Бог верен, а всякий человек лжив, как написано: «Ты праведен в словах Твоих и победишь в суде Твоем».

Выше сказал, что не уверовали некоторые. Между тем оказываются неверными не некоторые, но все. Поэтому, чтобы не огорчить иудеев, премудро ведет речь и оказавшееся на опыте излагает в виде предположения. Положим, говорит, что все были неверны. Что же из этого? И в этом случае Бог оправдывается. То есть: если рассудить и сравнить, что даровал Бог иудеям и как они вели себя пред Ним, то победа остается на стороне Бога, как и Давид говорит (Пс. 50, 6).

5–6. Если наша неправда открывает правду Божию, то что скажем? не будет ли Бог несправедлив, когда изъясляет гнев? (говорю по человеческому рассуждению). Никак. Ибо иначе как Богу судить мир?

Здесь представляет одно возражение. Иные могли сказать: если из того, что Бог облагодетельствовал нас, а мы явились неблагодарными к Нему, Он оказывается еще более верным; то за что же наконец гневается Он, то есть наказывает нас, если мы стали причиной Его оправдания и победы? Таково возражение. Апостол решает его весьма мудро и в обличение иудеев. Из того, что Бог наказывает тебя, не следует, что ты виновник победы Божией; ибо несправедливо победителю наказывать виновника победы. Но Бог не несправедлив: иначе, как Богу судить мир, если Он несправедлив? Поэтому, когда Бог наказывает тебя, а Он не несправедлив, следует, что ты не стал для Него виновником победы тем, что грешил: ибо Бог и иначе мог победить, хотя бы не оказался злым. Слова **говорю по человеческому рассуждению** имеют такой смысл. Так, говорит, отвечаю в оправдание Бога по человеческому разуму, то есть как только

может отвечать человек здравомыслящий: ибо действия Божий имеют некоторые непостижимые для нас основания и превосходят человеческий разум и не нуждаются в защите нашей.

7–8. Ибо, если верность Божия возвышается моею неверностью к славе Божией, за что еще меня же судить, как грешника? И не делать ли нам зло, чтобы вышло добро, как некоторые злословят нас и говорят, будто мы так учим? Праведен суд на таковых.

Снова повторяет прежде сказанное, чтобы уяснить то. Если через преступление мое явился Бог праведным и верным, то за что же, наконец, осуждать меня, оказавшего пользу славе Божией? В таком случае я заслуживаю не осуждения, но награды. А если это справедливо, то справедливо будет и то, что говорят о нас язычники. Язычники, слыша слова Павла: **Когда умножился грех, стала преизобиловать благодать** (Рим. 5, 20), подвергали их осмеянию и утверждали, будто христиане говорят: будем делать зло, чтобы вышло добро, и: будем грешить больше, чтобы умножилась благодать. Эти слова язычников, говоренные ими в поругание и насмешку над нами, имеют место и в настоящем случае, если допустить, что Бог является благом от нашей порочности и неблагодарности. Но в самом деле не так. Речь язычников есть речь говорящих всегда ложь. **Праведен суд на таковых**, то есть они наказаны будут по справедливости. Итак, тем, что грешу, я не становлюсь виновником оправдания Божия, потому что осуждаюсь, как грешник; ибо если бы я грешил во славу Божию, то не осуждался бы.

9—18. Итак, что же? имеем ли мы преимущество? Нисколько. Ибо мы уже доказали, что как Иудеи, так и Еллины, все под грехом, как написано: «нет праведного ни одного. Нет разумевающего; никто не ищет Бога. Все совратились с пути, до одного негодны; нет делающего добро, нет ни одного».

«Гортань их – открытый гроб; языком своим обманывают; яд аспидов на губах их». «Уста их полны злословия и горечи». «Ноги их быстры на пролитие крови; разрушение и пагуба на путях их. Они не знают пути мира». «Нет страха Божия перед глазами их». Сказав выше, что иудеи имеют некоторое преимущество, потому что им вручен закон, теперь доказывает, что они не имеют никакого преимущества по делам своим. Ибо, как не сохранившие врученного им, они подвергнутся большему осуждению. Поэтому, хотя и имели они некоторое преимущество, как избранные Богом, но как делами своими они обесчестили почтившего их честию и избравшего их Бога, то не только уже не имеют никакого преимущества, но и подвергнутся большему осуждению. Говорит как бы от лица иудеев: **итак, что же? имеем ли мы преимущество**, то есть имеем ли какое-либо преимущество, превосходим ли других, удобнее ли прочих Богу мы, иудеи, которые получили закон и обрезание? **Нисколько.** Ибо иудеи, чтобы не сказать больше, согрешили так же, как и язычники. А откуда это видно? Из пророков, именно Давида и Исаяи. Ибо речь, начинающаяся словами **нет праведного ни одного** и оканчивающаяся так: **полны злословия и горечи**, принадлежит Давиду (Пс. 13, 3, 5; 9, 28; 139, 4). А речь со слов **ноги их быстры** до слов **не знают пути мира** принадлежит Исаяи (Ис. 59, 7, 8); затем опять следуют слова Давида (Пс. 35, 2). Итак, представляет обвинителями иудеев знаменательнейших пророков, и показывает, что они говорят совершенно согласно. Почему после слов Исаяи опять приводит слова Давида. Ибо Исаяя ясно говорит об иудеях; о них же говорит и Давид. Далее, как скоро кто уклоняется от добра, тотчас делается бесполезным. Ибо порочность есть не иное что, как извращение естественных побуждений к добру: почему, возбуждая человека к противоестественному, делает его бесполезным. Ибо природа не используется уже им, подобно тому, как не используется она при отправлении дел своих больным. **Разрушение и пагуба** есть грех, ибо ничто так не разрушает душу, как грех, неправильным путем своим. Ибо добродетель, как естественное добро наше, устрояет нам путь к шествию вперед ровный и гладкий, а порочность, как дело противоестественное, известное недостатками и излишками, заставляет нас иногда нестись вверх, и иногда вниз, и

потому делает движение наше неровным и трудным; не говорю уже о том, что она готовит нам после этого наказание. **Они не знают пути мира**, то есть благочестивой жизни, ибо благочестивая жизнь есть путь спокойствия. **Возьмите**, – говорит Господь, – **иго мое**, – **и найдете покой** (Мф. 11, 29): вот путь к истинному миру Христову!

19–20. Но мы знаем, что закон, если что говорит, говорит к состоящим под законом, так что заграждаются всякие уста, и весь мир становится виновен пред Богом, потому что делами закона не оправдается пред Ним никакая плоть; ибо законом познается грех. Чтобы иудеи не могли возразить: это не к нам говорится, высказывает: **закон, если что говорит, говорит к состоящим под законом.**

Какая, говорит, надобность говорить другим, когда закон дан вам? Законом же называет весь Ветхий Завет, а не один Моисеев только закон, как и теперь наименовал законом пророчества Исайи и Давида. Словами **заграждаются всякие уста** изображает хвастовство иудеев и неостановимое стремление языка их. Ими пророк обуздал его, как стремительный поток. Апостол же понимает не то, будто для того грешили, чтобы заградились уста их, но для того были обличаемы пророками, чтобы не представляли грехов своими грехами неведения и не хвалились. И не одни иудеи, но и **весь мир становится виновен пред Богом**, то есть осужден, чужд дерзновения, не оправдываемым собственными делами, но имеющим нужду в посторонней помощи, то есть в благодати Христовой. Что же ты, иудей, хвалишься законом, когда ты наравне с остальным миром повинен, как не оправдываемый делами закона?

21. Но ныне, независимо от закона, явилась правда Божия, о которой свидетельствуют закон и пророки.

Если ты, иудей, хвалишься законом, то знай, что он служит для тебя виною большего наказания. Ибо через него ты узнал грех, а кто грешит с сознанием, тому грозит большое наказание. Но это случилось по твоему нерадению, ибо ты не бежал греха, сделавшегося тебе известным, и потому навлек на себя большее наказание. Как же освободишься ты от этого наказания? Если примешь правду Божию, не зависимую от закона. Ибо нас оправдает Бог, хотя бы мы и не имели дел, потому что Бог всемогущ. Прекрасно выразился: **явилась** чтобы показать, что правда Божия существовала прежде, но была сокрыта. И словами **о которой свидетельствуют закон и пророки** также показывает, что она не есть что-либо новое, но что о ней говорили и закон Моисея и пророки, почему и достойна приятия; ибо хотя она независима от закона, однако совершенно согласно с законом имеет целью оправдать нас.

22–24. Правда Божия через веру в Иисуса Христа во всех и на всех верующих, ибо нет различия; потому что все согрешили и лишены славы Божией, получая оправдание даром, по благодати Его, искуплением во Христе Иисусе.

Эта правда, говорит, то есть оправдание, которым оправдал нас Бог, нисходит на всех через веру. Когда мы приносим веру, то оправдываемся все, иудеи и язычники. **Ибо нет различия.** Иудей не предпочитается язычнику потому, что получил закон. Ибо и он согрешил, так как из закона научился только, как узнавать грех, а не как избегать его. Если он и не так согрешил, как язычник, но славы лишен одинаково, потому что оскорбил Бога, а оскорбитель пожинает плод не славы, но бесславия. Но ты не отчаивайся. Все оправдываются даром по благодати Божией, а благодать эта бывает через искупление, то есть через совершенное освобождение, соделанное Христом, ибо Он оправдал нас, давши Самого Себя в выкуп за нас.

25–26. Которого Бог предложил в жертву умилостивления в Крови Его через веру, для показания правды Его в прощении грехов, соделанных прежде, во время долготерпения

Божия, к показанию правды Его в настоящее время, да явится Он праведным и оправдывающим верующего в Иисуса.

Упомянул об очищении (жертвой умилоствления) и крови, чтобы убедить иудея, что прощение и оправдание совершается через Христа. Если, рассуждает, ты верил, что грехи разрешались кровию овец, то тем паче разрешаются они Кровию Христа, и если очищение законное, будучи образом Христа, имело такую силу, то гораздо большую силу имеет самая истина. «Очищением» (очистилицем) назывался покров ковчега, украшенный поставленными на обеих сторонах его херувимами. Оно указывало на естество человеческое, которое было покровом Божества, закрывавшим Его, но прославлялось ангельскими силами, служащими ему по причине соединения его с Богом Словом. Сказал ***предложил***, чтобы показать, что избавление Кровию Христовою предопределено издревле для уврачевания расслабления, то есть омертвения от грехов, соделанных прежде, во время долготерпения Божия. Ибо хотя мы пользовались многою благодатию, однако сделались подобны расслабленным и омертвевшим. А случилось это ***для показания правды*** Божией, чтобы не только Сам Бог явился праведным, но и других, омертвевших во грехе, мог воскресить и оправдать, подобно как и явление богатства состоит в том, чтобы кому-нибудь не только самому быть богатым, но и быть в состоянии делать богатыми других. Итак, не стыдись, оправдываемый таким образом. Если Бог Себе присвоит дело это, то есть превозносится и хвалится им, как оправдывающий наев ***настоящее время***, то есть когда грех достиг крайнего предела и когда мы признаны как бы расслабленными и мертвыми, то чего тебе, иудей, стыдиться таковой славы Божией?

27. Где же то, чем бы хвалиться? уничтожено. Каким законом? законом дел? Нет, но законом веры.

Апостол доказал, что мы оправдаемся через веру; почему справедливо спрашивает иудея: где же то, чем бы хвалиться тебе и гордиться? Не говорит: где добродетель? ибо иудеи не имели добродетели, но только похвальбу. И продолжает: ***уничтожено***, что значит: хвалиться уже не время. До Христа благовременно было хвалиться законом, а теперь уже не благовременно, ибо стало видно, что похваление им бесполезно. Ибо если бы мог оправдать нас закон, то не было бы для нас нужды во Христе. Каким же, спрашивает, законом уничтожено? Законом ли дел, то есть тем, который говорит, что исполняющий их человек жив будет (см. Лев. 18, 5)? (Ибо это сказал закон Моисеев.) Нет, отвечает, но законом веры, который оправдывает благодатию, а не делами. Вот и веру называет законом, потому что имя ***закон*** было в чести у иудеев. Итак, хвались, иудей, верою, которая может оправдать тебя.

28–30. Ибо мы признаем, что человек оправдывается верою, независимо от дел закона. Неужели Бог есть Бог Иудеев только, а не и язычников? Конечно, и язычников потому что один Бог, Который оправдает обрезанных по вере и необрезанных через веру.

Доказав, что оправдание в Крови Христовой, а не в делах закона, заканчивает речь и говорит: из всего сказанного заключаем, что всякий человек оправдывается верою. Не смущайся этим, иудей, будто нелепостью какою. Бог есть не частный Бог, чтобы спасти только себя, а не всякого человека. Здесь же пристыжает иудеев и весьма устрашает их, как богоборцев, если не допустят, что язычники спасаются через веру; ибо они не верят, что Он есть Бог всех и равно промышляет обо всех. Один, говорит, есть Бог, то есть Бог иудеев и язычников, Который и обрезанного оправдывает, не законом, но верою, и необрезанного принимает при посредстве веры. Упомянув же об обрезании и необрезании, припоминает и сказанное выше, где доказал, что ни обрезание не приносит пользы, когда нет дел, ни необрезание не вредит само по себе. Итак, при том и другом нужна вера.

31. Итак мы уничтожаем закон верою? Никак; но закон утверждаем.

Сказанное, что закон ниспровергается верою, привело иудеев в смущение. Поэтому врачует их своею великою мудростию, говоря, что вера утверждает закон. Ибо чего желал и закон, то есть оправдать человека, но не мог сделать, то совершает вера. Кто только уверовал, тот уже оправдался. Итак, вера не уничтожила, но утвердила закон. Выражением *утверждаем* внушает, что закон лежал, а лежащего надобно поднять и поставить.

Глава четвертая

1–3. Что же, скажем, Авраам отец наш приобрел по плоти? Если Авраам оправдался делами, он имеет похвалу, но не пред Богом. Ибо что говорит Писание? «Поверил же Авраам Богу, и это вменилось ему в праведность».

Достаточно доказав, что для всех нужна вера, подтверждает это еще примером Авраама (Быт. 15, 6), пользовавшегося у иудеев большим уважением, и говорит, что и он, совершивший много великого, оправдался не делами, но верою. Называет его отцом *по плоти*, чтобы показать, что иудеи не имеют духовного родства с ним, или, лучше, чтобы обязать их этим во всем подражать ему. Если он оправдался делами, то *имеет похвалу, но не пред Богом*, то есть может хвалиться тем, что хорошо сделал нечто собственными трудами, но это не значит хвалиться пред Богом, и не направляется к Богу. Напротив, кто оправдывается верою, тот имеет похвалу пред Богом, может хвалиться о Боге, как спасенный Его благодатью и возлюбленный Им. Может хвалиться верующий и иначе, именно как прославивший Бога тем, что поверил, что Он может сделать то, что кажется нам невозможным. Итак, он имеет похвалу и дерзновение пред Богом, как имеющий истинное понятие о Нем, и верующий Ему как всемогущему.

4–8. Воздаяние делающему вменяется не по милости, но по долгу. А не делающему, но верующему в Того, Кто оправдывает нечестивого, вера его вменяется в праведность. Так и Давид называет блаженным человека, которому Бог вменяет праведность независимо от дел: «Блаженны, чьи беззакония прощены и чьи грехи покрыты. Блажен человек, которому Господь не вменит греха».

Делающий, говорит, получает мзду, как даваемую ему за труд по долгу, верующий, хотя не делает, однако представляет со своей стороны веру, – вещь весьма значительную; потому что убедиться в том, что Бог и жившего в нечестии может не только освободить от наказания, но и сделать праведным, есть дело высокой цены. По этой причине *верующему... вера его вменяется в праведность*, то есть его веру приемлет Бог, не для того, чтобы дать ему мзду, но для того, чтобы оправдать его. Поэтому кто верует, тот приносит нечто и со своей стороны, именно веру. Доказав примером Авраама, что правда или оправдание от веры, представляет и Давида, который называет блаженным того человека, которому Бог не вменяет греха, и показывает преимущество и превосходство веры (см. Пс. 31, 1–2). Ибо если блажен тот, кто получает прощение по благодати, то гораздо блаженнее тот, кто выказал веру и оправдан ею. Что же, говорит, затрудняешься в том, что он получает прощение грехов по благодати? Видишь, что получивший отпущение по благодати ублажается; ибо пророк не назвал бы его блаженным, если бы не знал, что он имеет большую славу: ибо блаженство есть нечто весьма важное и выше самой праведности: оно верх всех благ, получаемых нами от Бога.

9–10. Блаженство сие относится к обрезанию, или к необрезанию? Мы говорим, что Аврааму вера вменилась в праведность. Когда вменилась? по обрезании или до обрезания? Не по обрезании, а до обрезания. Если, говорит, блаженство принадлежит тому, кому не вменит Господь греха, то есть оправданному, а Авраам оправдан: то всеконечно он получил блаженство. Посмотрим же, когда он оправдался: до обрезания ли, или по обрезании? Всеконечно до обрезания. Значит, блаженство падает на необрезание, то есть более принадлежит необрезанию, нежели обрезанию.

11–12. И знак обрезания он получил, как печать праведности через веру, которую имел в необрезании, так что он стал отцом всех верующих в необрезании, чтобы и им

вменилось в праведность, и отцом обрезанных, не только принявших обрезание, но и ходящих по следам веры отца нашего Авраама, которую имел он в необрезании.

Решает естественно возникающее возражение. Иной, быть может, возразил бы; если Авраам оправдался до обрезания, то для чего был обрезан? Апостол отвечает: он **знак обрезания... получил** вместо печати, запечатлевающей, что он оправдался верою, которую обнаружил прежде, будучи необрезанным. Итак, относительно Авраама представляются два предмета: необрезание и обрезание. Через необрезание он оказывается отцом необрезанных. Но каких? Которые подобно ему веруют, **чтобы и им вменилось в праведность**, то есть чтобы и они оправдались. С другой стороны, через обрезание Авраам оказывается отцом **обрезания**, то есть обрезанных. Отец же он не тех, которые имеют только обрезание, но которые и ходят по следам веры его, которую имел в необрезании. Итак, настоящее место надобно читать так: стал и отцом обрезания не для тех, которые подобны ему по одному обрезанию, но и для тех, которые ходят по стопам веры его, то есть подобно ему веруют в воскресение мертвых тел. Ибо он на старости и в омертвлении поверил, что Бог может сделать семя его плодовитым и дать ему сына. Полная мысль такая. Авраам, будучи необрезанным, уверовал и оправдался, чтобы таким образом стать отцом верующих необрезанных. С другой стороны, он получил обрезание, печать и знак веры, которая в необрезании, чтобы стать отцом обрезанных, ходящих, разумеется, по следам его веры, которую имел он, не будучи еще обрезан. Коль скоро нет этой веры, обрезание попусту хвалится, подражая тому, кто показывает кошелек, к которому приложена только печать, но в котором нет ничего. Итак, иудей есть кошелек, запечатанный обрезанием, но веры, печать которой есть обрезание, не имеющий.

13–14. Ибо не законом даровано Аврааму, или семени его, обетование – быть наследником мира, но праведностью веры. Если утверждающиеся на законе суть наследники, то тщетна вера, бездейственно обетование.

Апостол доказал уже, что оправдание бывает не законом, но верою. Теперь он доказывает, что и обетование получил Авраам не законом, но праведною верою. Какое **же обетование? Быть наследником мира**, то есть чтобы в нем благословились все народы всего мира. Ибо если наследие, говорит, дано законом, то **тщетна вера**, то есть оказывается тщетною и бесполезною. Ибо кто станет заботиться о вере, если обетование наследия дано законом? Но положение дела не таково. Авраам наследовал обетование не законом (ибо где тогда был закон?), но верою, как написано: **Авраам поверил** (Быт. 15, 6).

15. Ибо закон производит гнев, потому что, где нет закона, нет и преступления.

Теперь доказывает, каким образом **бездейственно обетование**. С законом, говорит, соединено преступление, а преступление закона производит гнев и подвергает клятве и наказанию. Как же, спрашивается, виновный в преступлении достоин наследовать?

16–17. Итак по вере, чтобы было по милости, дабы обетование было непреложно для всех, не только по закону, но и по вере потомков Авраама, который есть отец всем нам (как написано: «Я поставил тебя отцом многих народов») пред Богом, Которому он поверил, животворящим мертвых и называющим несуществующее, как существующее. Так как закон производит гнев, то и говорится, что Авраам оправдался и стал наследником верою, чтобы все было по благодати. А благодать на что полезна. **Дабы обетование было непреложно.**

Ибо благодать, не как закон, не имеет преступления, чтобы даруемое было нетвердо. Поскольку же все бывает по благодати и милости Божией, то даруемое по справедливости непреложно **всем нам**, то есть для всех верующих, не для тех только, которые **по закону**, то есть обрезаны, но и для тех, которые не обрезаны, которые суть семя Авраама, рожденное **по**

вере. Поэтому кто не имеет веры, тот не есть семя Авраама, *который есть отец всем нам*, то есть верующим, как написано: **Я поставил тебя отцом многих народов** (см. Быт. 17, 4). Смысл такой: Авраам есть отец всех *пред Богом*, то есть подобно Богу. Как Бог есть отец всех, так и Авраам, не по естественному родству, но по союзу веры. **Которому он поверил** присовокупил для того, чтобы показать, что Авраам получил и награду за веру быть отцом всех. Поэтому если ты, иудей, не признаешь, что Авраам есть отец всех, то ты уменьшил почесть, которую получил он верою.

Животворящим мертвых, и называющим несуществующее, как существующее. Теперь повторяет сказанное выше, то есть что Авраам поверил, что омертвевшую плоть, какова была его, может Бог не только оживить, но и сделать плодovитой; почему и говорит теперь: **животворящим мертвых.** Слова же **называющим несуществующее, как существующее** присовокупил для того, чтобы показать, что для Бога не невозможно сделать тех, которые не дети Авраама, детьми его. Не сказал, однако – «приводящим» в бытие несуществующее, но **называющим.** Сколь легко для нас назвать что-нибудь существующее, столь же удобно для Бога привести в бытие – несуществующее.

18. Он, сверх надежды, поверил с надеждою, через что сделался отцом многих народов...

Не подумай, говорит, что Авраам удостоен почестей не по заслугам. Ибо возможно ли это, когда он сверх надежды человеческой поверил с надеждою Божиею, что сделается отцом многих народов, не тех, которые произошли от Измаила (ибо они произошли от Авраама не по вере, но по естеству), но тех, которые подобны ему по вере?

18–21. По сказанному: «так многочисленно будет семя твое». И, не изнемогши в вере, он не помышлял, что тело его, почти столетнего, уже омертвело, и утроба Саррина в омертвлении; не поколебался в обетовании же Божиим неверием, но пребыл тверд в вере, воздав славу Богу и будучи вполне уверен, что Он силен и исполнить обещанное.

Сказав, что Авраам сверх надежды человеческой поверил с надеждою Божиею, теперь доказывает это, говоря, что Аврааму было сказано: **умножу семя твое как звезды небесные и как песок** (Быт. 15, 5; 22, 17); он же не ослабел в вере, но, пребывая в ней твердым, не обратил внимания ни на собственное тело, уже омертвевшее от времени, ни на сугубое омертвление утробы Сарриной (ибо утроба ее омертвела и от старости и от бесплодия), и не стал недоумевать, то есть нимало не усомнился, не поколебался мыслию, **по пребыл тверд в вере.** Заметь, как доказывает, что верующий имеет нужду в большой силе. Многие унижали веру, как дело, не требующее труда, а дела возвышали, как требующие пота и силы. Но апостол говорит, что верующий имеет нужду в великой и мощной душе, чтобы отражать внушения неверия, как и Авраам возмог верою. А как возмог верою Авраам? **Воздав славу Богу**, то есть не посредством человеческих умозаключений уверовав, но помышляя в себе достойное славы Божией и быв уверен, что Бог может сделать невозможное, ибо в этом состоит слава Божия. **Почти столетнего** сказал приблизительно, потому что в то время Аврааму не было еще ста полных лет.

22–25. Потому и вменилось ему в праведность. А впрочем не в отношении к нему одному написано, что вменилось ему, но и в отношении к нам, вменится и нам, верующим в Того, Кто воскресил из мертвых Иисуса Христа, Господа нашего, Который предан за грехи наши и воскрес для оправдания нашего.

Апостол многое сказал в похвалу Аврааму, а кто-нибудь мог возразить: что нам из этого? Поэтому и высказывает, что о том написано и для нас, что и нам вменится вера в правду, только бы мы имели ее, веруя в Того, Кто воскресил Иисуса. Если сомневаешься, как можешь оправдаться, то представь в душе своей Иисуса, который изгладил все грехи твои, который умер не

за собственный грех, но за грех мира. Поскольку же Он умер, не имея греха, то справедливо воскрес. Ибо как мог быть удержан в аде Тот, Кто не имел греха? Итак, Он для того и умер и воскрес, чтобы и от грехов освободить и со делать праведными. Поэтому как Авраам поверил, что его омертвевшее уже тело делается плодовитым, так и ты веруй, что Иисус умер и воскрес, и тебе вменится в правду, как и праотцу твоему Аврааму.

Глава пятая

1–2. Итак, оправдавшись верою, мы имеем мир с Богом через Господа нашего Иисуса Христа, через Которого верою и получили мы доступ к той благодати, в которой стоим и хвалимся надеждою славы Божией.

Здесь рассуждает апостол о жизни по вере, чтобы мы после того, как он столь много сказал в похвалу веры и унизил дела, не сделались нерадивыми. Так как вера оправдала нас, то не будем уже грешить, но **имеем мир с Богом** посредством угодной Ему жизни. Как же это будет? **Через Господа нашего Иисуса Христа.** Он, оправдавший нас, когда мы были грешниками, поможет нам и сохранится в правде Его; ибо через Него **получили мы доступ к той благодати.** Если Он привел далече бывших, то тем паче удержит близ сущих. Привел же нас **к той благодати.** Каким образом? **Верою,** то есть когда мы принесли веру. Что же это за благодать? Получение всех благ, какие подаются нам посредством крещения. **В которой стоим,** имея твердость и непоколебимость. Ибо Божественные блага всегда стоят и никогда не отпадают. И не только твердо содержим полученное, но уповаем получить и прочее. **Хвалимся,** говорит, **надеждою** благ, которые даны будут нам в будущем: они, как относящиеся к славе Божией, непременно даны будут, если не для нас, то для прославления Самого Бога.

3–5. И не сим только, но хвалимся и скорбями, зная, что от скорби происходит терпение, от терпения опытность, от опытности надежда, а надежда не постыжает, потому что любовь Божия излилась в сердца наши Духом Святым, данным нам.

Не только, говорит, хвалимся благами будущими, но, что еще более, даже настоящими скорбями своими. Не смущайтесь же, говорит, тем, что мы в скорбях: это самое есть похвала для христианина. Каким образом? Ибо скорбь производит терпение, терпение же делает испытуемого опытным, а опытный человек, успокаивая себя в доброй совести тою мыслию, что подвержен скорбям для Бога, уповает на воздаяние за эти скорби. А такое упование не бесплодно, **не постыжает** надеющегося. Человеческие надежды, не сбываясь, постыжают надеющихся, а Божественные надежды не таковы. Ибо Подающий блага бессмертен и благ, а при том, и мы, хотя и умрем, оживем, а затем ничто уже не воспрепятствует надеждам нашим сбыться.

Потому что любовь Божия излилась в сердца наши Духом Святым, данным нам. О будущем уверяет тою любовью, которую показал уже к нам Бог. Говорит как бы так: не теряй веры; упование на Божественные блага не тщетно: ибо Кто столько возлюбил нас, что сделал нас чадами Божиими, без всякого труда нашего, посредством Духа Святого, Тот как не даст венцов после трудов? **Излилась,** говорит, **любовь Божия в сердца наши,** то есть является обильною и богатою в нас, имеющих в сердцах Самого Духа, Которого дал нам Бог.

6–9. Ибо Христос, когда мы еще были немощны, в определенное время умер за нечестивых. Ибо едва ли кто умрет за праведника; разве за благодетеля, может быть, кто и решится умереть. Но Бог Свою любовь к нам доказывает тем, что Христос умер за нас, когда мы были еще грешниками. Посему тем более ныне, будучи оправданы Кровию Его, спасемся Им от гнева.

Сказав, что любовь Божия оказывается излитой в нас чрез Духа, которого мы имеем в себе, как дар от Бога, показывает еще и величие этой любви из того, что Христос умер за нас, немощных, то есть грешников, но, что еще хуже, за нечестивых, хотя едва кто и за праведника умрет. Итак, это переизбыток любви – умереть за грешников и нечестивых. Когда же Он умер по любви и смертью оправдал нас, тем паче теперь спасет от гнева нас, которых уже оправдал. Даровал нам большее оправдание: как не спасет от гнева? А спасенным от гнева дарует и блага – по великой любви Своей.

10. Ибо если, будучи врагами, мы примирились с Богом смертью Сына Его, то тем более, примирившись, спасемся жизнью Его.

Хотя, казалось бы, говорит здесь то же, но умозаключения через сравнение различны. Выше полагает нашу греховность и потом, прилагая, что мы оправданы, через сравнение заключает: Кто оправдал нас, грешников, своею смертью, Тот тем более спасет оправданных. А теперь, упоминая о смерти и жизни Христовой, опять сравнительно умозаключает: когда мы примирены кровию и смертью Господа, то как теперь не спасемся в Его жизни? Ибо Кто не пощадил Сына Своего, но дал Его на смерть для нашего примирения, Тот не тем ли паче теперь спасет нас Его жизнью?

11. И не довольны сего, но и хвалимся Богом через Господа нашего Иисуса Христа, посредством Которого мы получили ныне примирение.

Не только, говорит, спасены мы, но и хвалимся Богом, потому что спасены тогда, когда были нечестивыми, и спасены Кровию Единородного. Хвалимся же Господом Иисусом Христом, ибо Он, виновник нашего примирения, есть виновник и нашего хваления.

12. Посему, как одним человеком грех вошел в мир, и грехом смерть, так и смерть перешла во всех человеков, потому что в нем все согрешили.

Сказав, что Господь Иисус оправдал нас, обращается к корню зла, к греху и смерти, и показывает, что тот и другая, то есть грех и смерть, вошли в мир через одного человека, Адама, и опять одним же человеком, Христом, устранены. Что же значит: *в нем все согрешили*? То, что все согрешили в Адаме. Как скоро он пал, то через него сделались смертными и не вкусившие от запрещенного древа, как будто они и сами пали, потому что он пал.

13–14. Ибо и до закона грех был в мире; но грех не вменяется, когда нет закона. Однако же смерть царствовала от Адама до Моисея и над несогрешившими подобно преступлению Адама, который есть образ будущего.

Апостол хочет доказать, что и не вкусившие от запрещенного древа и не грешившие, подобно Адаму, по причине греха его также сочтены согрешившими и умерли. Доказывает же это так: грех царствовал до издания закона, то есть и прежде закона. Какой же это был грех? Грех ли от преступления закона? Но как мог быть такой грех, когда не было закона? Грех тогда вменяется, когда есть закон, и люди, престапующие закон, по необходимости называются грешащими. *Однако же смерть царствовала* даже *до Моисея*, то есть до закона. Значит, был грех, через который смерть царствовала: если бы не было какого-либо греха, который удержал бы смерть, она не царствовала бы. Поскольку же доказано, что греха от преступления закона еще не было, то остается, что то был грех Адамов, через который смерть царствовала и над теми, которые не согрешили непосредственно (ибо не получившие закона и не преступившие его не называются согрешившими), но согрешили в подобии преступления Адама и сделались причастны падению его, как праотца, который есть образ Христа. Ибо как древний Адам сделал всех повинными в его падении, хотя они не пали, так и Христос оправдал всех, хотя они не сделали ничего, за что следовало бы оправдать их. Вот почему он есть *образ будущего*, то есть Христа.

15–16. Но дар благодати не как преступление. Ибо если преступлением одного подверглись смерти многие, то тем более благодать Божия и дар по благодати одного Человека, Иисуса Христа, преизбыточествуют для многих. И дар не как суд за одного согрешившего; ибо суд за одно преступление – к осуждению; а дар благодати – к оправданию от многих преступлений.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.